

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-27-36

«ДРУГОЙ» ПОСТКАПИТАЛИЗМ. РЕВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ И НОВАЯ АНТАГОНИСТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ

Д. А. Давыдов

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии,

Институт философии и права УрО РАН, Россия, Екатеринбург.

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7978-9249. ResearcherID: O-3033-2017).

Аннотация

Автор рассматривает переход к посткапиталистическому обществу как социальную революцию личности, доказывая, что она проходит как процесс постепенного возвышения персоналиата – прослойки популярных творческих деятелей («людей, обладающих личностью»). По мнению автора, человечество движется по пути к новой антагонистической общественной формации, что предполагает переосмысление классических принципов и теоретических схем исторического материализма. На примере Советского Союза в статье демонстрируется проблематичность идеологических апелляций к концепту личности в контексте построения коммунистического общества. Автор утверждает, что в формирующихся общественных отношениях, в которых господствует персоналиат, наличествуют все признаки антагонистической формации: общественное производство сконцентрировано на созидании конкурентных и исключаемых благ (производство личности); в производстве наиболее востребованных благ задействованы ограниченные ресурсы (внимание); доступ к ключевому ограниченному ресурсу обеспечивает весомые преимущества, способствующие формированию господствующего класса (персоналиат); «высшие» слои эксплуатируют «низшие» («присвоение» и «кража» личности); интересы господствующего класса расходятся с интересами эксплуатируемых классов. Поскольку любая антагонистическая формация характеризуется множеством институциональных воплощений, то господство персоналиата может быть оспорено представителями имперсоналиата, ставящими под сомнение нормативную ценность категории «личность».

Ключевые слова: посткапитализм; капитализм; коммунизм; социальная революция; общественная формация; личность; персоналиат; имперсоналиат; безусловный доход.

Введение

Говорить о посткапитализме сегодня уже не зазорно. Для этого есть все причины: как глубокий кризис самого капитализма, который постепенно исчерпывает ресурсы глобального роста и накапливает внутренние противоречия, так и многие социальные, экономические, технологические и т.д. тенденции, свидетельствующие о зарождении принципиально новых общественных отношений. Многие теоретики, идеологи и общественные деятели вновь всерьез говорят о закате капитализма и перспективе перехода к посткапиталистическому обществу¹ (Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019; Rifkin, 2015 и др.). Настоящий ренессанс переживает марксизм. Происходит активизация политической борьбы с «левым уклоном» в развитых странах («Желтые жилеты» в Европе, BLM и антифа в США и т.п.); появление новых «опасных классов» (Стэндинг, 2014)). Рассматривается перспектива «технологического изобилия» (Fraser, 2016), обусловленная развитием технологий 3-D печати, автоматизацией и роботизацией производства; освобождения людей от вынужденной работы, что даст им возможность заниматься свободной творческой деятельностью (одна из давних целей классиков марксизма) (Брегман, 2018; Срничек, Уильямс, 2019; Ван Парайс, Вандерборхт, 2020); когнитивного капитализма (Лаццарато, 2007; Руллани, 2007), открывающего дорогу коммунизму знаний (Горц, 2010).

© Давыдов Д. А., 2021

¹ «Когда я учился в старшей школе и говорил людям, что я социалист, – пишет Б. Сункара, – они смотрели на меня как на сумасшедшего. Когда я говорю людям сегодня, что я социалист, они просто кивают и продолжают заниматься своим делом – ни намека на физическое отвращение (Sunkara, 2019: 3).

Движение к посткапиталистическому обществу, как и раньше, представляется как освобождение и самоосвобождение (разотчуждение) *личности*. Личность, ее свобода, ее творческие стремления (Бузгалин, 2018), ее неотчужденная сущность и т.п. находятся в центре левой аксиологии. Пока еще никто не знает, как будет точно устроено посткапиталистическое общество, какой конкретно коллективный субъект (или совокупности таких субъектов – скажем, сборки, множества (Хардт, Негри, 2006)) низвергнет капитализм и товарный фетишизм, но ясно одно: «снятие» капитализма – это «снятие» всех форм отчуждения, а потому – разрешение всех классовых антагонизмов (коммунизм). Да, признается, что и в посткапиталистическом обществе будут возможны конфликты, проблемы, которые придется решать сообща. Но в целом это будет или *должно быть* время, когда человек станет для другого человека целью, а не средством, и свободное *творчество* придет на смену вынужденному *труду*.

В настоящей статье предложен взгляд на перспективу посткапитализма под другим углом зрения. Что если нахождение категории «личность» в центре левой аксиологии – не самое лучшее (или – довольно проблемное) решение? Что если сама всепроникающая «личностность» является серьезным вызовом для тех, кто стремится к справедливости, равенству и братству? «Личность» всегда была серьезной проблемой для теоретиков и практиков коммунизма. Несмотря на повсеместные попытки встроить дискурс о личности в дискурс о коммунистическом обществе, резонно говорить об *антикоммунистических* проявлениях личности как социального феномена. Представляется, что сегодня постепенно происходит *социальная революция личности*. Специфика этой революции сильно отличается от того, что ранее считалось революционным переходом к посткапиталистической стадии развития. Основной тезис статьи: каковы бы ни были варианты посткапитализма, объективные предпосылки, коренящиеся в предшествующем ему развитии, неизбежно сделают его *антагонистическим обществом*.

Ускользящая личность

Коммунизм ассоциируется с идеей *освобождения личности*. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что в условиях капитализма люди отчуждены друг от друга, и *как личности* должны будут в конце концов установить порядок, который вернет им их «родовую сущность» («моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому стоящая вне всяких сомнений сила» (Маркс 2010: 383)). Идеал классиков марксизма – это вовсе не диктат массы, класса или коллектива, а свободная *творческая личность* (Фромм, 1992).

«Ловушка» заключается в двоякой сущности личности как социального феномена. Классики марксизма и их последователи стремились освободить человека от всех материальных ограничений, от всех форм «материального» отчуждения («человек человеку не средство, а цель»). Отсюда возникли представления о социализированных индивидах, которые сотрудничают друг с другом, занимаются творческой деятельностью, иногда соревнуются, но скорее ради удовольствия. Так, в фантастических повестях А. и Б. Стругацких (особенно ранних) изображается мир («Мир Полудня»), в котором труд из чего-то чуждого, неприятного, вынужденного, калечащего превращается в наслаждение, покорение неизведанного, творческое преобразование во имя красоты, добра и т.п. В Советском Союзе категория личности была нормативной: она противопоставлялась категории «индивид», ассоциировавшейся с буржуазным индивидуализмом, эгоизмом, изолированностью, враждой, конкуренцией (Тугаринов, 1978: 120–121). При этом всегда подчеркивалось, что никакого «сущностного» противоречия между личностью и коллективом нет. Как писал в 1952 г. М.Д. Каммари, «личность в условиях социализма не противопоставляет себя обществу, народу, напротив, в коллективе, в коллективном труде она находит неиссякаемый источник творческой энергии и вдохновения, счастье борьбы за коммунизм» (Каммари, 1952: 236).

Но проблема в том, что грань между личностью, стремящейся быть гармоничной частью коллектива, и личностью, *выбивающейся* из этого коллектива (в силу ее *индивидуальности*), размыта. Более соответствует действительности взгляд на личность как на двойственный феномен: как на *социальную индивидуальность*. Сама по себе личность (как явление) не есть нечто благое или негативное, но она может при определенных обстоятельствах быть как «гармоничной»¹, так и «выбивающейся» из коллектива и общественного целого, поскольку в личности заключено то, что можно ценить вопреки остальным вещам, ведь «я» находит «себя» только в поиске отличий от «других». Серьезное

¹ См. концепт личности у философов-персоналистов (Н.А. Бердяев, Ж. Мунье, Ж. Лакруа и многие другие).

ограничение марксистской теоретической оптики, в качестве основной причины отчуждающей конкурентной борьбы («всей старой мерзости»), полагающей именно нужду в *материальных благах*, продемонстрировал советский опыт параллельного роста материального благополучия и коррозии всех форм коллективизма и распространения «личностного модуса».

С приходом к власти Н. Хрущева «личностный» компонент общественного дискурса усиливается. Происходит постепенный отказ от грубого коллективизма в пользу более мягкого дискурса, связывающего индивида и индивидуальное потребление («догоним и перегоним Америку» именно по уровню производства и потребления) с успехами общества в целом. Автономизация потребителя, в конце концов, вела к *автономизации личности* (Бикбов, 2016: 210). Однако «обладание личностью» – не то же самое, что обладание капиталом или рабочей силой. Область производства личности (см. ниже) располагается по большей части за пределами капитализма. Представляется, что развернувшаяся еще в советские времена «борьба за личность» и была уже зачатком *посткапитализма*, мало заметного в силу отличий от шаблонных представлений о коммунизме как неантагонистической, бесклассовой стадии развития общества.

Долгое время считалось, что посткапитализм будет сильно отличаться от всех предшествующих формаций. На протяжении истории менялись способы возвышения в конкурентной борьбе одних людей над другими (от убийства до рыночной конкуренции). Менялись и ключевые блага, за которые велась борьба. В первобытную эпоху борьба велась за *средства поддержания самой жизни* (растительная еда, мясо и т.п.)¹; в сословно-классовую эпоху желанной целью для многих являлось обладание ресурсами и средствами *производства* благ, удовлетворяющих жизненные потребности (земля, замки, сами люди, прикрепленные к земле, и т.п.); в капиталистическую эпоху акцент смещается: производятся уже не столько блага, удовлетворяющие жизненные потребности, сколько *желания* и средства их удовлетворения. В связи с этим никогда не наблюдалось никаких «моральных разрывов» между общественными формациями: обобщенный капиталист был, грубо говоря, таким же «злодеем», эксплуататором, эгоистом, как и феодал; просто способы производства, которые он внедрял, были в технологическом плане более передовыми. Более того, феодал мог быть одновременно и капиталистом (а также, к примеру, феодал рабовладельцем или рабовладелец капиталистом). Предполагаемый коммунизм из этого ряда выбивался. Проблема в том, что идеологи марксизма не просто упустили из виду область «производства желаний», продлившую жизнь капитализму² (что потом стало объектом критики «новых левых», представителей Франкфуртской школы и др.), но и сильно ошиблись в прогнозах относительно сферы производства личности, в которой де-факто сохранялась конкурентная борьба, обеспечивавшая одних преимуществами, а других оставлявшая на «обочине жизни».

В Советском Союзе не просто воспитали «буржуазную личность» (особенно ускорились эти процессы, когда в официальном дискурсе закрепилась формулировка «всесторонне развитая личность»). В сложном *формационном слоеном пироге* зародилась новая посткапиталистическая «прослойка». СССР стал жертвой не только буржуазного стремления к изобилию предметов потребления («как на Западе»). Его уничтожила *личность*, поставившая свою свободу выше коллектива; *личность*, для которой *самовыражение* стало дороже *равенства*. Эту «суверенную личность» СССР сам создал, как и сферу производства личности с ее героями, выдающимися деятелями, знаменитостями³ и прочими «новыми аристократами», новым «праздным классом». Долгая социальная *революция личности* началась еще тогда. Но то, что в то время имело форму зачатков, сегодня становится заметной силой, меняющей общество. Проблески формирующейся *новой антагонистической общественной формации* уже можно увидеть невооруженным глазом.

¹ Поэтому, на мой взгляд, не совсем корректно первобытную общественную формацию считать неантагонистической. В конце концов, даже если внутри первобытных племен не существовало классового расслоения, сами племена неизбежно враждовали за территории, стада и т.п.

² Собственно говоря, в СССР так и не произошло «освобождения» от буржуазных общественных отношений, которые пронизывали советское общество. Поэтому СССР оставался частью капиталистической мир системы (формации).

³ К примеру, в области спорта происходили процессы селебритизации, как и в западных странах (при общем сопротивлении движения физкультурников). Несмотря на попытки «приручить» и «коллективизировать» личность и сделать из спортивных знаменитостей примеры для подражания, результат оказался прямо противоположным: эти знаменитости все чаще оказывались самыми настоящими индивидуалистами, ведущими разгульный образ жизни и т.п. Причем, этот «разгульный» образ жизни становился все более привлекательным для широких слоев населения (Дюфрес, 2018).

Контуры новой антагонистической формации

На самом деле обосновать, что социальная революция личности – это процесс перехода к новой антагонистической формации, не так просто. Во-первых, слово «личность» в нашем языке имеет много позитивных коннотаций. В конце концов, очень долгое время «личность» ассоциировалась с некоей высшей формой бытия (не обычный человек, а *личность*). Многие годы пропагандировалось, что личность определяется заслугами, вовлеченностью в общественную жизнь, способностью приносить пользу всему человечеству. Во-вторых, не все марксисты и борцы за коммунизм исключали наличие *противоречий* в посткапиталистическом обществе. Поэтому нужно четко различать социальные противоречия как неизбежное следствие несовершенной природы человека (даже если он стремится к совершенству) и общественный антагонизм как состояние *разорванности* общества на *враждующие* социальные группы, преследующие противоположные интересы. Можно предложить основные признаки антагонистической общественной формации и обосновать, что складывающиеся посткапиталистические общественные отношения им вполне соответствуют.

1. *Общественное производство сконцентрировано на созидании конкурентных и исключаемых благ.* Под ними стоит понимать блага, которые не могут потребляться всеми без исключения. Дом или, скажем, диван теряют свою потребительную ценность, если ими могут в любой момент воспользоваться все без исключения (общественные блага), не говоря уже о таких вещах, как нижнее белье. Многие левые теоретики считают, что производство знаний – это принципиальный сдвиг в сторону общественных благ, а значит – коммунизма (см., напр.: Горц, 2010). Так как знания становятся ключевым фактором производства, то верный шаг на пути к коммунизму – уничтожить копирайт и открыть широкий доступ к знаниям или идеям. Однако данные теоретики не замечают того, что творческий человек в процессе производства знаний и идей параллельно производит *личность* как благо, удовлетворяющее массу потребностей: в самовыражении, уважении, признании и т.д. Сегодня социологические опросы в развитых странах показывают, что для молодых людей *быть личностью*, находиться в центре внимания, иметь славу и известность – куда более желанное состояние, чем одно только материальное благополучие. Профессии, в которых центральное значение имеет личность, являются наиболее популярными: блогер, фотомодель, музыкант и т.п.¹ Но личность, в отличие от знания, невозможно реплицировать без утраты потребительной ценности, она неразрывно связана с определенным человеком. Поэтому можно сказать, что личность как благо «абсолютно исключается»: то, что я имею в качестве моей личности – это только *моя* личность и ничья другая. «Обладать» личностью – значит иметь в своем распоряжении благо, которое *исключает* других в качестве его потенциальных потребителей.

2. *В производстве наиболее востребованных благ задействованы дефицитные (ограниченные) ресурсы.* Это ведет к ожесточенной конкурентной борьбе, в которой одни выигрывают, а другие оказываются в проигрыше. В первобытную эпоху основным дефицитным ресурсом была *еда*; в сословно-классовую эпоху более важное значение приобретает *земля*; в эпоху капитализма, соответственно, важнейший ограниченный ресурс – это сам капитал. Сегодня он постепенно теряет значение. Куда более значимым становится другой ограниченный ресурс – *внимание* (см.: Wenger, 2020). «Обладать» личностью – значит «обладать» той или иной «долей» общественного внимания. Последнее имеет свои естественные пределы (численность населения, время, которое люди тратят на общение, потребление «персонифицированных» благ и т.п.), и вовсе не каждый способен заполучить его равную долю. Герои, звезды, микроселебрити и прочие публичные фигуры – это новая аристократия, «захватывающая» общественный дискурс. Выигрывает тот, кто в той или иной степени *известен*, способен *привлекать внимание, проникать в умы* людей.

3. *Доступ к ключевому ограниченному ресурсу обеспечивает весомые преимущества, способствующие формированию господствующего класса (или господствующего социального слоя).* Так, в сословно-классовую эпоху земля не только обеспечивала пропитанием и необходимыми для повседневной жизни ресурсами. На этой земле обитали люди, становившиеся воинами или производившие оружие; на лугах паслись лошади, которых задействовали в кавалерийских войсках и т.д. и т.п. Вла-

¹ См.: VLOG'S A JOB Children turn backs on traditional careers in favour of internet fame, study finds. A survey of a thousand children has revealed nearly three-quarters of young people are considering career in online videos (2017), *The Sun*, 22.05. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/> (дата обращения: 26.09.2020); American kids would much rather be YouTubers than astronauts (2019), *arstechnica.com*, 16.07. URL: <https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/> (дата обращения: 26.09.2020).

деть обширными территориями означало обладать потенциально мощной армией и всеми необходимыми ресурсами для ее обеспечения. В капиталистическую эпоху подобные свойства имел капитал (всесилие «денежных мешков»). Сегодня уже «обладание личностью» – важнейший ресурс политического влияния. Технологии социальных медиа дают знаменитым людям невиданные ранее инструменты воздействия на мнения и убеждения масс. Быстро растет количество медийных инфлюенсеров. При этом лидеры мнений сами по себе становятся «средствами массовой информации» (разрушение двухступенчатого потока коммуникации¹). Публичные люди высказываются по любым вопросам 24 ч. в сутки, перехватывая инициативу по формированию повестки дня (показательны кейсы «молниеносной политизации»: например, политизация социально-медийного инфлюенсера А. Водонаевой в январе 2020 г. и многие другие подобные случаи). Гигантскими темпами расширяется прослойка известных людей (крупные «френдлорды» с десятками и сотнями миллионов подписчиков в социальных медиа, инфлюенсеры-миллионники и микроселебрити и даже своеобразные нано-селебрити или нано-инфлюенсеры (менее 10 000 подписчиков в социальных медиа²)). Происходит селебритизация политики и политизация селебрити (West, Orman, 2003; Street, 2004; Wheeler, 2013). Люди, «обладающие личностью», все чаще вовлекаются в политику: как в качестве непосредственно политиков (от Чиччолины до А. Шварценеггера и В. Зеленского) или гражданских активистов, так и в качестве лиц, оказывающих поддержку кандидатам на выборах (celebrity endorsements)³ или лидеров мнений (Marsh, Hart, Tindall, 2010). Даже «обычные», профессиональные политики стремятся стать политиками-звездами, перенимая маркетинговые приемы шоуменов или кинозвезд: общаясь с публикой в соцсетях, появляясь в телешоу, заручаясь поддержкой других знаменитостей (Wheeler, 2013). При этом те, «кто использует стратегии ЕСР (“everyday celebrity politicians”)), – отмечают М. Вуд, Дж. Корбетт и М. Флиндерс, – становятся все более успешными благодаря широким изменениям в природе “общества знаменитостей”, которое все больше сосредоточивается на “обычных” людях в “экстраординарных” ситуациях, о чем свидетельствуют реалити-шоу, такие как “Х-фактор”» (Wood, Corbett, Flinders, 2016: 583). Всех тех, кто конвертирует свою популярность в «политический капитал», можно обозначить термином «персоналиат». *Персоналиат* – это «захватчики дискурса», те, кто «обладает личностью» и имеет доступ к ключевому ресурсу XXI в. – общественному вниманию.

4. Тем не менее, все вышесказанное еще не говорит о том, что мы наблюдаем *антагонистическую* общественную формацию. В конце концов, личностный успех вполне можно объяснить заслугами, везением, природными дарованиями. Антагонистическая формация характеризуется не просто *неравенством* или *господством* одного социального слоя. *В рамках антагонистической общественной формации высший класс тем или иным способом эксплуатирует «низшие» слои населения.* История знает большое количество форм эксплуатации: от рабства до присвоения прибавочной стоимости. Персоналиат эксплуатирует всех тех, кто «не обладает личностью» (имперсоналиат), весьма специфическим образом.

Здесь необходимо ответить на вопрос, чем же, собственно, является процесс *производства* личности. Прежде всего стоит отметить, что этот процесс не может быть сугубо индивидуальным. Личность не есть монада. Личность – это целиком продукт *коллективного производства*. Она рождается в языке, в дискурсе, в циркулирующих идеях и нарративах, в *общении*. Рождение личности – это всегда коммуникативный и интерактивный процесс. Популярная личность невозможна без усилий огромного числа людей: без идейных предшественников и вдохновителей, без внимания аудитории, без попыток «простых людей» проникнуться ценностями, которые разделяет та или иная личность, без рекомендаций, сплетен и слухов, без многих часов, ушедших на чтение, созерцание, слушание, вникание, без критики или одобрений, без потраченных денег на билеты, собрания, книги, картины, концертные площадки, красные дорожки и т.п. Однако для существования популярной личности необходимо, чтобы все остальные оставались «безликим» большинством – имперсоналиатом⁴. Личность, таким образом, «присваивает» затраченный «общественный труд», а главное – внимание. Вся коллективная работа по производству личности присваивается одним популярным человеком, а потому довольно часто мы встречаем типичные проявления меритократического дискурса о *выдаю-*

¹ См. концепцию двухступенчатого потока коммуникации в: Katz; Lazarsfeld 1955.

² См.: Celebrity, to micro, to nano influencers... what's next? (2020), *The Shelf*. 30.07. URL: <https://www.theshelf.com/industry-news/celebrity-micro-nano-influencers-whats-next/> (дата обращения: 26.09.2020).

³ А потому возникает прямая ассоциация с княжескими «дружинами» или королевскими свитами, когда, скажем, кандидаты на пост Президента США стремятся окружить себя максимальным количеством влиятельных знаменитостей.

⁴ Хотя здесь имеет место быть своеобразная «диалектика»: ведь от вкусов этого «безликого» большинства, его капризов зависит и судьба той или иной популярной личности.

*щется деятеле*¹, который достигает успеха якобы исключительно по причине своего таланта, имеет право на все блага, обусловленные известностью (и, соответственно, право на наслаждение своей личностью как *исключительностью*) (Фрэнк, 2019).

Более того, можно говорить, что популярная личность «крадет» личности остальных, ведь «захват дискурса» означает, что остальным «коллективного внимания» остается куда меньше (или не остается вовсе). Отчасти можно согласиться с идеалистическим представлением о «взаимобогащении личностей» в процессе диалога (Бузгалин, 2018). Коллективное производство личности означает, что представители имперсоналиата могут из этого процесса извлечь что-то и для себя: блага, создаваемые творческими личностями (скажем, видеоролики, музыка или книги), какие-то идеи, которые они потом могут творчески развить и т.д. Однако в действительности *диалог* исключительно редок. Возвышение личности – это не просто присваивание доли общественного внимания и вытеснение всех остальных из общественного дискурса, но также «кража личности»: *убеждение* как вытеснение личностной позиции другого; *навязывание* определенных культурных кодов, чтобы быть (хотя бы!) понятым многими; *создание стилей, жанров или научных парадигм*, которых необходимо придерживаться коллективно в ущерб собственной индивидуальности; игра на эмоциях восторга, побуждающая идентифицировать «себя» (читай – терять часть себя) с выдающейся личностью (как крайнее проявление – синдром поклонения знаменитостям (celebrity worship syndrome)) и т.д. *Присвоение* и *кража* личности – формы посткапиталистической эксплуатации.

5. Наконец, еще одним признаком антагонистической общественной формации является *расхождение интересов господствующего класса с интересами эксплуатируемых классов*. Идеология любого господствующего класса стремится быть «универсальной», то есть обращается в том числе и к социальным «низам», убеждая их принимать сложившийся порядок. Так, в сословно-классовую эпоху нахождение аристократов на вершине социальной лестницы объяснялось естественным неравенством (к примеру, миф Платона о том, что бог вложил в души правителей, стражей закона, землевладельцев и ремесленников золото, серебро, железо и медь соответственно) или, скажем, волей Бога. Буржуазная эпоха наполнилась мифами о безмерном трудолюбии (протестантская этика), творческом гении и удаче парвеню и будущих основателей олигархических династий. Даже при растущем социально-экономическом неравенстве 1% наиболее богатых в США успешно пользовался и во многом продолжает пользоваться мифом об «американской мечте»: будто бы каждый, если сильно захочет, благодаря преимуществам рыночной экономики, может «выбиться в люди» и стать богатым и успешным. Соответственно все эти идеологические конструкции были необходимы, чтобы заставить широкие массы поверить в то, что интерес представителей господствующей прослойки – это и их интерес тоже. Сегодня происходит нечто подобное. Представители персоналиата сдвигают акценты: теперь для них (от буржуазной богемы (Брукс, 2013) до многих популярных блогеров) важны уже не столько деньги, сколько их «креативная» трата, в которой раскрывается *индивидуальность*. Распространяется миф о том, что творчество вообще-то нечто совершенно безобидное (можно сказать, практически «святое», ибо в идеале – не купленное и не проданное); что каждый может взять в руки камеру, что-то заснять, выложить в Интернет, а наутро проснуться *кем-то*. Теперь уже популярность можно оправдывать *чистым талантом*: то, что досталось исключительно благодаря творческим дарованиям. В сущности, мы имеем модернизированную версию аристократической идеологии: все равны, но некоторые люди просто в силу своей *яркой личности* «равнее» других.

Вышесказанное не означает, что «классовое» сознание² персоналиата мало чем отличается от буржуазного. Персоналиат по-своему *антибуржуазен*. Для «выдающихся личностей» (и тех, кто желает ими стать) главное – *свобода* во всех ее проявлениях. Потому, скажем, борьба «новых левых» против различных форм угнетения (против расовой дискриминации, за права представителей сексуальных меньшинств, женщин и т.п.), сочетающаяся с антибуржуазным дискурсом (интерсекциональность), – это уже во многом проявление социальной революции личности. В конце концов, в то время как в СССР зарождающийся персоналиат разрушал «тоталитарную» систему во имя политических свобод и личности, на Западе происходила «тихая революция» (см., напр.: Inglehart 1971) – увеличение доли людей, придерживающихся постматериалистических ценностей и стремившихся к самореализации. И сегодня актуализация дискурса о посткапитализме, о безусловном доходе и многом дру-

¹ Этот дискурс довольно стар. В конце концов, и в буржуазную эпоху self-made man был своего рода выдающейся личностью. Революция личности не означает, что ранее личностей не существовало. Скорее, речь должна идти о перестановке акцентов: «личностный» аспект бытия выступает на первый план.

² Пока еще формирующееся, но уже «узнаваемое» в дискурсе творческих элит, интеллигенции, медийных инфлюенсеров и пр.

гом – это проявления формирующегося «классового сознания» персоналиата. Однако это «классовое сознание» имеет характерные черты «оторванности» от запросов социальных низов. Так, крах СССР как отчасти проявление социальной революции личности сильно ударил по благосостоянию подавляющего большинства населения (по сути, речь должна идти о социально-экономической *катастрофе*). В США «тихая революция» прошла почти безболезненно, но пик ее (1970-е и 1980-е гг.) пришелся как раз на эпоху перехода к неолиберализму, последствия чего сегодня тоже приближаются к катастрофическим (протесты BLM, хаос и аномия в период пандемии COVID-19 как наглядные проявления). Борющихся за свободу личностей мало интересуют проблемы «безликих» нищих или бедных трудящихся, так как сами они находятся в состоянии «экзистенциальной безопасности», а потому реальность интерпретируется ими в категориях свободы/несвободы, а не недостатка/нужды.

Здесь нет никакого противоречия: антибуржуазность персоналиата не означает искреннего движения к подлинному равенству и братству. Представители персоналиата – это люди, *уже добившиеся успеха*, а потому и имеющие политическое *влияние*. Этос творческой личности есть этос *свободы самовыражения*. При этом совершенно не важно, что успех данной конкретной личности мог оказаться следствием везения или удачного стечения обстоятельств. Главное – уничтожить «очаги несвободы», все бюрократическое и стесняющее: «сократить» громоздкие и якобы неэффективные институты социального государства, избавиться от больших и иерархических организаций, устроить весь мир по образу и подобию офиса Google. Соответственно выстраиваются специфические идеалы посткапиталистического общества: в котором каждому гарантируется определенная экономическая «подушка безопасности» в виде безусловного дохода (небольших ежемесячных гарантированных пособий всем без исключения гражданам), национальные государства и международные организации уступают место самоорганизующимся группам, творческая конкуренция способствует возвышению наиболее талантливых; а всем остальным вполне можно довольствоваться статусом потребителей, живущих на общественную ренту.

Заключение

Посткапиталистическая стадия развития общества может оказаться далекой от коммунистических идеалов. Мы живем в эпоху социальной революции личности, во время перехода к новой антагонистической общественной формации. Нужно отдавать себе отчет в этом по довольно простой причине: любая антагонистическая общественная формация является набором альтернатив. Антагонизм – это не доминирование и тем более, не поглощение. Важнейшая особенность любой антагонистической формации заключается в том, что ни одна из противоборствующих сторон не может одержать окончательную победу без полного краха цивилизации. В конце концов, античная культура, наука или искусство были непредставимы без труда крестьян и рабов. Промышленная революция, облегчившая жизнь почти всем людям на Земле, также не произошла бы без эксплуатации рабочего класса. То же самое и сегодня: вряд ли мы сможем «уничтожить» или «забыть» личность. Творческая конкуренция личностей крайне полезна для общества, ведь в ее результате рождаются новые идеи, теории и концепции, подходы и решения. Вряд ли у нас будет моральное право лишать кого-либо права наслаждаться успехами и достижениями. Однако можно бороться за потенциально лучшую версию посткапитализма. В этом смысле, возможно, потребуется критически взглянуть на само слово «личность». Сегодня мы нуждаемся в «критике личности», подобно тому как зарождающаяся буржуазная эпоха нуждалась в «критике капитала» (что, собственно, и сделали К. Маркс и Ф. Энгельс). В конце концов, ключевой нормативной категорией левого дискурса может быть не столько личность¹, сколько *человек*, который не обязательно является выдающимся, знаменитым или влиятельным, но зато все еще нужен обществу, готов трудиться на благо всего человечества и находить смысл жизни в дружном покорении «царства необходимости».

¹ Или, по крайней мере, всегда пояснять, какая сторона личности подчеркивается: индивидуальная или социальная. В конце концов, личность можно понимать как *вовлеченность в жизнь общества*, саму погруженность в «жизненный мир».

Список литературы / References

- Бикбов, А. (2016) *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Bikbov, A. (2016) *Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality* [Grammatika poriyadka. Istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, kotorye menyayut nashu real'nost']. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Брегман, Р. (2018) *Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир*. Москва: Альпина Паблишер. [Bregman, R. (2018) *Utopia for Realists: How We Can Build the Ideal World* [Utopiya dlya realistov. Kak postroit' ideal'nyi mir]. Moscow: Al'pina Publ. (In Russ.).]
- Брукс, Д. (2013) *Бобо в раю. Откуда берется новая элита*. Москва: Ад Маргинем. [Brooks, D. (2013) *Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There* [Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya elita]. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.).]
- Бузгалин, А. В. (2018) 'Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все?', *Социологические исследования*, 7, сс. 43–53. [Buzgalin, A. V. (2018) 'Creative economy: private intellectual property or ownership by everybody of everything?' [Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse?], *Sociological Studies*, 7, pp. 43–53 (In Russ.).]
- Ван Парайс, Ф., Вандерборхт, Я. (2020). *Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Van Parijs, P., Vanderborght, Y. Y. (2020). *Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy* [Bazovyi dokhod: Radikal'nyi proekt dlya svobodnogo obshchestva i zdorovoi ekonomiki]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Горц, А. (2010) *Нематериальное: Знание, стоимость и капитал*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Gorz, A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital* [Nematerial'noe: Znanie, stoimost' i kapital]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Дюфрес, С. (2018) 'Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР', *Социология власти*, 2 (30), сс. 83–100. [Dufraisse S. (2018) 'The advent of sport celebrities: how to analyze the celebrity phenomena in the Soviet Union' [Sportivnye znamenitosti: vzniknovenie i evolyutsiya fenomena v SSSR], *Sociology of Power*, 2 (30), pp. 83–100 (In Russ.).]
- Каммари, М. Д. (1952) *Марксизм-ленинизм о роли личности в истории*. Москва: Государственное издательство политической литературы. [Kammari, M. D. (1952) *Marxism-Leninism on the role of the individual in history*. [Marksizm-leninizm o roli lichnosti v istorii]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (In Russ.).]
- Лаццарато, М. (2007) 'Предприятие и неомонадология', *Логос*, 4, сс. 168–198. [Lazzarato, M. (2007) 'Enterprises and Neomonadology' [Predpriyatie i neomonadologiya], *Logos*, 4, pp. 168–198 (In Russ.).]
- Маркс, К. (2010) 'Заметки по поводу книги Джемса Милля' в: Маркс, К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. Москва: Академический проект, сс. 359–384. [Marx, K. (2010) 'Notes on James Mill' [Zametki po povodu knigi Dzhemsa Millya] in: Marx, K. *Economic and philosophic manuscripts of 1844 and other early philosophical works* [Ekonomicheskko-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, pp. 359–384 (In Russ.).]
- Мейсон, П. (2016) *Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему*. Москва: Ад Маргинем. [Mason, P. (2016) *Post-Capitalism. A Guide to Our Future* [Post-kapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu]. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.).]
- Руллани, Э. (2007) 'Когнитивный капитализм: déjà vu?', *Логос*, 4, сс. 64–69. [Rullani, E. (2007) 'Cognitive capitalism: déjà vu?' [Kognitivnyi kapitalizm: déjà vu?], *Logos*, 4, pp. 64–69 (In Russ.).]
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) *Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без*

- труда. Москва: Strelka Press [Srnicek, N., Williams, A. (2019) *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work* [Izobretaya budushchee. Postkapitalizm i mir bez truda]. Moscow: Strelka Press Publ. (In Russ.)].
- Стэндинг, Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Москва: Ад Маргинем Пресс. [Standing, G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class* [Prekariat: novyi opasnyi klass]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russ.)].
- Тугаринов, В. П. (1978) *Природа, цивилизация, человек*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. [Tugarinov, V. P. (1978) *Nature, civilization, man* [Priroda, tsivilizatsiya, chelovek]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta (In Russ.)].
- Фромм, Э. (1992) 'Марксова концепция человека' в: Фромм, Э. *Душа человека*. Москва: Республика, сс. 375–414. [Fromm, E. (1992) 'Marx's Concept of Man' [Marksova kontseptsiya cheloveka] in: Fromm, E. *Human Soul* [Dusha cheloveka]. Moscow: Respublika Publ., pp. 375–414 (In Russ.)].
- Фрэнк, Р. (2019) *Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Frank, R. (2019) *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy* [Uspekh i udacha. Faktor vezeniya i mif meritokratii]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.)].
- Хардт, М., Негри, А. (2006) *Множество: война и демократия в эпоху империи*. Москва: Культурная революция. [Hardt, M., Negri, A. (2006) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire* [Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russ.)].
- Frase, P. (2016) *Four Futures: Life After Capitalism*. London: Verso Books.
- Inglehart R. (1971) 'The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies', *The American Political Science Review*, 65 (4), pp. 991–1017.
- Katz, E., Lazarsfeld, P. F. (1955) *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Marsh, D., Hart, P., Tindall, K. (2010) 'Celebrity Politics: The Politics of the Late Modernity', *Political Studies Review*, 8 (3), pp. 322–340. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2010.00215.x.
- Rifkin, J. (2015) *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons and the Eclipse of Capitalism*. New York, NY: Palgrave.
- Street, J. (2004) 'Celebrity politicians: popular culture and political representation', *The British Journal of Politics and International Relations*, 6(4), pp. 435–452. DOI: 10.1111/j.1467-856X.2004.00149.x.
- Sunkara, B. (2019) *The Socialist Manifesto: The Case for Radical Politics in an Era of Extreme Inequality*. New York, NY: Basic Books.
- Wenger, P. (2020) *World After Capital* [electronic resource]. Available at: URL: <https://worldaftercapital.org/> (Accessed: 26 September 2020).
- West, D., Orman. J. (2003) *Celebrity Politics*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Wheeler, M. (2013) *Celebrity Politics: Image and Identity in Contemporary Political Communications*. Cambridge: Polity Press.
- Wood, M., Corbett, J., Flinders, M. (2016) 'Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-politics', *The British Journal of Politics and International Relations*, 18(3), pp. 581–598. DOI: 10.1177/1369148116632182.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.02.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

“ANOTHER” POST-CAPITALISM. THE REVOLUTION OF PERSONALITY AND THE NEW ANTAGONISTIC SOCIOECONOMIC FORMATION

D. A. Davydov

D. A. Davydov, PhD in Political Science, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RASciences, Russia, Yekaterinburg.
E-mail: davydovdmity90@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7978-9249. ResearcherID: O-3033-2017).

Abstract

The article considers the transition to a post-capitalist society as a social revolution of personality. The author proves that such a revolution has been taking place for a relatively long time: as a process of the gradual rise of the personaliat – a stratum of popular creative persons (“people with personality”). Simultaneously, it is argued that in the emerging social relations, within which the personaliat dominates, there are all the signs of an antagonistic socioeconomic formation: social production is concentrated on the creation of competitive and excluded goods (personality production); limited resources are involved in the production of the most demanded goods (attention); access to a key limited resource provides significant advantages that contribute to the formation of a ruling class (the personaliat); the “higher” strata exploit the “lower” (“appropriation” and “theft” of personality); the interests of the ruling class are at odds with the interests of the exploited classes. Finally, it is shown that any antagonistic socioeconomic formation is characterized by a multitude of institutional incarnations, and therefore the domination of the personaliat can be challenged by representatives of the impersonaliat who question the normative value of the category of “personality”.

Keywords: post-capitalism; capitalism; communism; social revolution; socioeconomic formation; personality; the personaliat; the impersonaliat; unconditional income.